

INSPIRIA

The book cover features a woman with long dark hair, wearing a red dress and carrying a blue jacket, walking away from the viewer on a railway track. In the background, a steam locomotive is pulling a train of freight cars. The sky is a mix of blue and pink, suggesting a sunset or sunrise. The title is written in large white Cyrillic letters across the middle of the image, with horizontal strands of barbed wire superimposed over the text.

ПОСЛЕДНЕЕ ДИТЯ АУШВИЦА

Книга цикла «Акушерка Аушвица»

Анна Стюарт

INSPIRIA

Анна Стюарт
Последнее дитя Аушвица
Серия «Novel. Женщины
войны. Любовно-исторический
роман на реальных событиях»
Серия «Акушерка Аушвица», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74482526
Анна Стюарт «Последнее дитя Аушвица»: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-254284-8*

Аннотация

Продолжение международного бестселлера «Акушерка Аушвица». История узницы Наоми Деметриу и акушерки Аны Камински.

Аушвиц, 1945 год. Три года Наоми Деметриу пытается выжить за колючей проволокой лагеря смерти. Когда Наоми становится объектом внимания офицера СС, ее жизнь превращается в кошмар. Вскоре она понимает, что ждет ребенка.

С помощью Аны – акушерки Аушвица – и других женщин из барака для матерей Наоми удастся совершить невозможное: родить сына и скрывать его от охранников. Слухи о скором

наступлении союзников дают надежду, что однажды она сможет вернуться домой, к берегам Греции, вместе со своим малышом.

Но когда начинается эвакуация лагеря, Наоми отправляют в смертельный марш через заснеженную Польшу. В хаосе последних дней войны она теряет ребенка. Пока мать отчаянно борется за выживание, Ана делает все возможное, чтобы спасти оставшегося в лагере малыша.

Основанный на реальных событиях роман Анны Стюарт о женщинах, которые даже в самые темные дни войны продолжали спасать жизни. Трогательная и драматичная история о материнской любви, дружбе и надежде, пережившей Аушвиц.

Содержание

Пролог. Октябрь 1944 года	6
Часть первая	9
Глава 1. Март 1942 года. Наоми	10
Глава 2. Льеке	21
Глава 3. 1 июля 1942 года. Наоми	35
Глава 4. 13 июля 1942 года. Льеке	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Стюарт

Последнее дитя Аушвица

Anna Stuart

THE LAST BABY OF AUSCHWITZ

Copyright © 2026 Anna Stuart

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Эта книга была написана в память всех
греческих евреев, так страшно пострадавших от
рук нацистов*

Пролог. Октябрь 1944 года

Наоми мерит шагами узкие проходы Блока 24, останавливаясь, когда усиливается боль, чтобы опереться о нары и продышаться. Ей бы хотелось, чтобы страх можно было выдышать из себя, как боль. Она повидала столько женщин, прошедших через это, в ее последний год в Аушвице-Биркенау. И вот теперь ее очередь. Теперь она тоже производит на свет жизнь в лагере смерти.

Боль отступает, и она снова начинает ходить взад-вперед по утоптанному земляному полу под напряженными взглядами женщин, ожидающих своей очереди. Сколько бы нацисты ни старались, жизнь продолжается. Сколь бы низко они ни ценили женщин, которых держат в плену, ценность, которую сами эти женщины придают друг другу, помогает им выживать. Наоми знает, что рядом, наготове, заботливые руки, стремящиеся даровать ей утешение, поддержку и силу. «Ты сможешь, Наоми».

Она сможет, и ей это известно. Ей по силам дать этому ребенку жизнь. Удастся ли ей ее сохранить – другой вопрос, и он пугает гораздо сильнее боли. Наоми обводит взглядом мрачное помещение с голыми нарами в три этажа, на которых лежат беременные женщины, и грязными окнами, сквозь которые видны заборы под током и угрожающие сторожевые вышки.

Это не место для младенца.

Но ему суждено родиться здесь. И очень скоро.

Схватка скручивает тело Наоми, и она сгибается пополам, стараясь не закричать. Все происходит так быстро! Ее ребенку не терпится увидеть мир. Он настоящий грек.

Боль накатывает волнами, и теперь это не родовая схватка, а удар ножом в сердце от мысли, как все должно было произойти на самом деле. Она должна бы лежать в постели в Салониках, мать – сидеть рядом с ней, а ее возлюбленный Крестос нервозно расхаживать по спальне. Ласковое осеннее солнышко блистало бы на поверхности Эгейского моря, а она рассасывала бы кусочки домашней баклавы, которые придали бы ей силы и помогли малышу вступить в мир заботы и любви. Этого нового Деметриу встретила бы шумная и добродушная семья, а не страх и ужас Аушвица-Биркенау.

Однако нет смысла думать, как все должно было бы быть. Воспоминания о прошлом лишь усиливают скорбь, а мысли о будущем – страх. Надо сосредоточиться на настоящем. Наоми кладет ладонь на пульсирующий живот и думает о рождающемся младенце.

Женщина вбегает в барак со скоростью, какую редко увидишь в этой юдоли мучений и голода.

– Новости! – кричит она. – У меня новости. Грецию освободили!

Наоми вскидывает на нее глаза. Боль по-прежнему разрывает ее тело на части, но это не имеет значения.

– Освободили? – повторяет она. – Грецию?

Известие слишком хорошее, чтобы в него поверить, но женщина быстро кивает:

– Да! Сегодня сообщили по секретному радио.

– Освободили... – повторяет она опять.

Слова звучат для нее как древний заговор, шепот надежды. Ее страна свободна. Нацисты ушли из Салоник, их изгнали, одержали над ними верх. Как прекрасно!

Снаружи лает собака, кто-то вскрикивает, гремит выстрел. Наоми испускает стон. Какое значение имеет освобождение ее страны, когда сама она взаперти, за колючей проволокой ненависти? Свобода от нее в полутора тысячах километров, и ей их никак не преодолеть. А прямо сейчас, Господи помоги, она рождает ребенка.

– Тужься! – командует акушерка.

Наоми не хочет выпускать свое драгоценное дитя в грязь и ужас Аушвица, но у нее нет другого выбора, кроме как подчиниться. Она может лишь возносить молитвы да надеяться на те крошечные искорки доброты, за которые они все так отчаянно цепляются. Верить, что очень скоро свобода доберется и до их жуткого лагеря. Пока ее окружает любовь других узниц, Наоми сумеет продержаться и спасти своего малыша.

Часть первая

Салоники, Северная Греция

Глава 1. Март 1942 года. Наоми

Наоми Деметриу скорчилась в тени, с быстро колотящимся сердцем глядя на дыру в заборе синагоги. Нацисты столько всего отняли у греческих евреев, но сегодня ей выдался шанс кое-что вернуть себе. Надо только набраться храбрости.

Она смотрела на ящик овощей, стоящий возле стены, буквально пожирая их глазами. Красные перцы и помидоры казались невероятно яркими среди холодной серости самой суровой зимы, что видели Салоники за долгие годы. Она почти ощущала их свежий аромат, почти чувствовала вкус в пересошем рту. От голода в желудке заныло. Подумать только, какой суп они могли бы сварить с этим роскошеством! Сколько людей смогли бы накормить!

А нацисты бросят все свиньям.

– Не в этот раз, – решительно прошептала она.

Эсэсовцы отобрали их прекрасную синагогу, чтобы разместиться в ней конюшню и, наивысшее оскорбление, свинарник. Двое охранников караулили входные двери; еще один обходил здание по кругу. Священный храм был таких размеров, что на каждый круг требовалось не меньше пяти минут – предостаточно времени. Все, что Наоми следовало сделать, – дожждаться, пока горизонт будет чист, пролезть через дыру в заборе, пересечь двор и схватить ящик. Проще про-

стого.

Но если они ее поймают, то, скорее всего, застрелят. И это еще если повезет. Если нет, они забьют ее до смерти, или натравят на нее собак, или отвезут в тюрьму гестапо и будут пытаться, пока она не признается в предательстве, или шпионстве, или в чем угодно еще, что придет им в голову, лишь бы прекратились мучения. Наоми поежилась и оглянулась на своего спутника, прятавшегося под козырьком двери.

– Тебе не обязательно это делать, – шепнул Петрос.

Она указала на овощи:

– Но без них мы будем голодать.

Наоми не преувеличивала. Нацисты захватили Грецию в прошлом апреле и присвоили весь урожай, чтобы прокормить свои войска. Грекам выдавали карточки, обеспечивавшие скудный паек, и они едва выживали. Каждое утро на улицах находили мертвые тела, и родные покойных зачастую сами были слишком слабы, чтобы погрузить их на тележку, в то время как нацисты скармливали чудесные спелые овощи своим чертовым свиньям.

– Ты погляди на них! – Наоми дернула Петроса за рукав. – А теперь на нее.

Она указала на женщину, пришедшую к синагоге умирать. Ее пустые глаза смотрели в серое небо. От чего умерла эта бедняжка: от голода или от безнадежности? В Салониках в эту зиму трудно было сказать.

– Так будет и с нами, – слабо произнесла Наоми.

– Давай я заберу ящик, – предложил Петрос.

– Ты не пролезешь.

Дыра в заборе была слишком тесной для его широких плеч; лезть предстояло Наоми. Она сделала шаг вперед и сразу отступила, заслышав стук сапог по мраморным плитам. Ее сердце опять тревожно забилось, и Наоми обрадовалась, что крепкая рука Петроса подхватила ее.

– Я должна пойти, – прошептала она. – Ради Кристоса.

Она услышала, как Петрос тяжело вздохнул, а его подбородок коснулся ее макушки, когда он неохотно кивнул. Кристос был младшим братом Петроса и парнем Наоми. В прошлом году в бою он получил тяжелое ранение, и ему требовалась пища, чтобы набираться сил, – пища в этом самом манящем ящике.

Сапоги остановились, и Наоми, выглянув из укрытия, увидела эсэсовца, стоящего над мертвой женщиной. Он презрительно фыркнул и пнул ее ногой, отчего из рук женщины выпал сверток. Нацист двинулся дальше, но тут взревел мотор, и эсэсовский автомобиль подкатил к главным воротам. Охранник поспешил туда – посмотреть, что за важное начальство к ним пожаловало.

– Сейчас? – спросила Наоми.

Петрос сглотнул.

– Ты уверена? Если...

Но она уже сорвалась с места – чтобы не успеть передумать. Задержав дыхание, Наоми протиснулась в дыру и вста-

ла, ничем не защищенная, посреди некогда прекрасного двора величественной синагоги.

– Не покинь меня, Господи, – пробормотала она и бросилась вперед по мраморным плитам.

За эту голодную зиму она сильно исхудала и стала такой легонькой, что ступала совсем неслышно в своих мягких туфлях. Она потянулась к ящику и схватила его. В ноздри хлынули сладкие ароматы перцев и томатов, придавая ей сил, и уже через несколько секунд она передавала неслыханные яства Петросу. Сердце Наоми пело. Она справилась! Осмелилась войти в логово льва и забрать пищу, которую чудовища похитили.

И тут внезапно она услышала это: писк, жалобный и тихий, но не умолкающий. Растерянная, Наоми оглянулась. Звук раздался снова. Это не был окрик охранника или коллаборациониста. Нет, плакал ребенок.

Ее глаза метнулись к свертку на земле, и она увидела, что из любовно завернутого белого одеяльца торчат, подергиваясь, две крохотных ручки. Наоми непроизвольно охнула.

– Наоми, нет!

Петрос попытался схватить ее, но Наоми уже бежала назад к синагоге по опасной плоскости мрамора. Из-за здания доносился шум; там встречали высокого гостя. Эсэсовец мог появиться из-за угла в любую минуту. Если она не заберет ребенка, его затопчут до смерти, а этого она допустить не могла.

Тяжело дыша, она подхватила малютку с камней. Кровь пульсировала у Наоми в голове, но в ее объятиях ребенок затих, и она ощутила его сердцебиение, призывавшее поторопиться. Еще несколько шагов, и она опять протиснулась в дыру, чтобы передать Петросу свою находку.

– Ты рисковала жизнью, Наоми, ты...

– Отчитаешь меня потом, Петрос. Бежим!

Радость пузырилась у нее внутри, когда она держала на руках ребенка. Петрос подхватил ящик с овощами, и вдвоем они помчались по петляющим улочкам Салоник, стремясь оказаться в безопасности. Она справилась! Добыла им овощей, чтобы Кристос снова стал сильным. А еще спасла ребенка бедняжки-матери.

– Ты сумасшедшая, Наоми Деметриу! – воскликнул Петрос, когда они подбежали к входной двери его дома и ворвались внутрь. – Храбрая, но безрассудная. Что ты собираешься делать... с ним?

Одеяльце развернулось, открыв их глазам младенца – мальчика, притом необрезанного. Наверняка его мать была еврейкой, раз пришла искать утешения у стен синагоги, поэтому, вероятно, ей просто не выпало возможности провести церемонию. Все раввины в Салониках были заняты чтением молитв по бесчисленным мертвецам.

– Сама не знаю, – призналась Наоми, заворачивая ребенка обратно.

Мать Кристоса вышла им навстречу.

Миссис Арити обняла Наоми, повосхищалась овощами и склонилась над малышом. Все испытывали радость и облегчение. На секунду Наоми представила охранника, пинающего мертвую женщину, и задумалась, что было бы с ней, если бы он ее поймал, но отогнала от себя эту мысль. Она была в безопасности, и сегодня на ужин их ждал сытный суп.

– Где Кристос? – спросила она.

– В постели.

Наоми знала, что ответ будет таким – как обычно. Кристос и Петрос записались в добровольцы, чтобы сражаться с итальянцами, когда те в 1940-м вторглись в их страну, и ушли на фронт, распевая военные песни. О, как Наоми гордилась своим прекрасным возлюбленным в тот момент! Всего шестнадцать лет – а уже такой высокий, и сильный, и готовый «размазать этих макаронников». Как и все они. Греческое радио сообщало об одной победе за другой; все выглядело так, будто греки успешно теснят захватчиков. Никому не победить греческих храбрецов, настаивали в новостях, и это была правда.

Пока не пришли немцы.

Гитлеровские танки пересекли их границу в тот же день, когда Петрос притащил Кристоса домой с поля боя – раненого и белого как смерть. Пуля пробила возлюбленному Наоми легкое, и в полевом госпитале ему сделали операцию. Та прошла успешно, но он ужасно ослабел и нуждался в отдыхе и восстановлении. Мать все устроила для него у них дома, но

три дня спустя войска вермахта ворвались в Салоники. Они отняли у местных жителей жилье, их урожай и их лекарства, и почти год спустя Крестос все еще был опасно слаб.

– Этот малыш его развеселит, – решительно сказала Наоми и прошла к нему в спальню.

Ее любимый полусидел в подушках, накрытый одеялом по грудь. Он был бледный и худой, но при виде Наоми на его истощенном лице проступила улыбка.

– У тебя получилось!

Она наклонилась его поцеловать.

– Само собой.

– Я боялся за тебя.

– Со мной все хорошо. Я все сделала быстро. Никто ничего не заметил.

– Теперь-то уж, наверное, заметили.

– О да! Вот они разозлились! Но их жирные свиньи и так проживут, а у тебя будет чудесный наваристый суп, чтобы ты выздоравливал.

Он усадил ее на кровать и перевел взгляд на сверток:

– Это не овощи, Наоми.

– Нет. Его мать умерла, Крестос. Я не могла его бросить.

– Ну конечно, не могла. – Он поцеловал ее. – У тебя слишком мягкое сердце.

– В противном случае ты не любил бы меня.

– Если бы это сохранило тебе жизнь, то да.

Наоми покачала головой:

– Вы с Петросом одинаковые! Я же *жива*, видишь?

– И это чудесно! – согласился Кристос. Потом посмотрел на ребенка, и его лицо смягчилось. – Можно мне его подержать?

– Держи. – Наоми осторожно передала Кристосу младенца.

Он поглядел на Наоми, и его глаза увлажнились от слез.

– Ты спасла ему жизнь!

– Любой на моем месте поступил бы так же.

– Но все-таки это сделала ты. Значит... теперь он твой? –

Кристос сглотнул и поправился: – Наш с тобой?

По спине Наоми побежала дрожь.

– Наш ребенок, Кристос?

– Наш ребенок, которого мы вырастим вместе.

– Только не вздумай вбить себе в голову эти глупости, братик, – перебил его Петрос, входя в комнату с кружкой козьего молока и детским рожком. – Мама говорит, что ребенка можно накормить вот этим, но мы не можем себе позволить еще один рот. Я уже отправил человека в приют, сказать, чтобы его там ждали.

Руки Кристоса крепче сжались вокруг спасенного младенца, и он перевел взгляд на Наоми, ожидая, что та запротестует. Она и хотела, честное слово, но знала, что Петрос прав. Молоко необходимо было беречь для Кристоса. Если они станут кормить им ребенка, ее любимый может умереть. В Салониках в 1942 году приходилось делать непростые вы-

боры.

– Монахини лучше о нем позаботятся, – заверила она Крестоса, глядя мягкую головку малыша. – А у нас скоро будут собственные дети.

– Не очень скоро, – поправил Петрос. – Свобода сейчас важнее.

– Но что такое свобода? – спросил Крестос задумчиво. – Она в том, чтобы управлять своей страной или просто своим домом?

Петрос в ужасе вытаращился на него:

– Это одно и то же! Ну же, Крестос! Неужели ты уступишь и позволишь Гитлеру забрать Грецию?

– Он уже ее забрал, Петрос! Так, может, пора перестать волноваться о том, кто всем руководит, и больше заботиться друг о друге?

У Наоми защемило сердце. В словах Крестоса была немалая доля правды, но, лежа в постели, он не видел, что творят с их страной немецкие оккупанты. Сначала они захватили в Салониках власть, потом их улицы, а теперь захватывали и дома – отбирали у людей их деньги и свободу, особенно у евреев. Пока что богомерзкие Нюрнбергские законы, по которым евреи считались «недочеловеками», в Греции еще не действовали, но именно еврейские дома в первую очередь реквизировали для нацистских офицеров, еврейские пайки сокращали, а мужчин-евреев хватали на улицах и заставляли работать на оккупантов. Немцы захватили контроль над

рестораном родителей Наоми, в двух кварталах отсюда, поставили туда немецкого шефа и вынудили ее семью обслуживать заносчивую нацистскую клиентуру, почти не платя за это.

– У нас скоро будут собственные дети, – повторила она Кростосу, целуя его, прежде чем перевести взгляд на его старшего брата. – Я сама отнесу малыша в приют, Петрос.

Тот коротко кивнул:

– Хорошо. – Он уже собрался уходить, но на пороге остановился и оглянулся. – Мне очень жаль.

Наоми слабо ему улыбнулась. Петрос был суровым парнем, но в то же время и добрым. Он хотел, чтобы все они присоединились к отрядам андартов – повстанцев, – которые формировались в горах. Отряды вели партизанскую войну против нацистов, защищая деревни, и питались от земли. Жизнь там будет тяжелой, предупреждал Петрос, но свободной. Возможно, он был прав, но Петрос подходил для таких условий, а Кростос – пока нет.

Наоми отогнала эти тревожные мысли, снова взяла ребенка и стала кормить его из рожка.

– Ненавижу войну, – произнесла она печально.

– Я тоже, – согласился Кростос. – Я шел воевать, полагая, что меня ждет почет и слава, но все оказалось не так, Наоми. Война – это ужас, и страх, и... напрасные потери. Растрата денег, ресурсов страны, человеческих жизней. Все, чего я хочу, – жениться на тебе, кормить семью и растить наших

детей. Почему мне не позволено сделать это?

Наоми понятия не имела, но знала: если задумается хоть на минуту, то не сможет сдержать ярость. А это никому не принесет добра.

– Они не помешают нам любить друг друга, – пообещала она. – Не помешают быть вместе. Мы не позволим.

Он прижался губами к ее губам, и Наоми растворилась в сладком поцелуе. До шестнадцати ей оставался еще год, и она не была уверена, что продержится столько, не отдавшись этому мужчине. Она прильнула к нему, и он застонал, но тут ребенок протестующе пискнул, и они отстранились, улыбаясь друг другу. В Салониках могло быть уныло, и трудно, и голодно, но кроме тягот там была и любовь, и она помогала им выжить.

Из кухни потянуло божественным ароматом овощного супа.

– Так и не терпится попробовать... – начала было Наоми, но ее прервал стук в дверь. Два удара, резких и коротких.

Она замерла. Первым делом ей пришлось в голову, что раскрылось ее воровство, – в нацистской Греции ничто не проходило безнаказанным. Схватив Крестоса в объятия, пока в дверь продолжали стучать, она молилась, чтобы кража не привела к аресту.

Глава 2. Льеке

Льеке Деметриу стучала в двери Арити, торопясь оказать-ся внутри, пока какой-нибудь солдат не пройдет по улице. Какой-нибудь другой солдат. Она оглянулась на молодого немца, возвышавшегося у нее за спиной, и поежилась.

Хельмут – ее друг, напомнила она себе. Он – сын партнера отца по бизнесу и гостит у них в доме. Ну, в некотором смысле...

Двое эсэсовцев в угрожающих черных формах промаршировали мимо, и Льеке опять постучала.

– Пожалуйста! Впустите меня.

Дверь распахнулась, и миссис Арити охнула при виде нее.

– Льеке?!

– А вы кого ждали?

– Нацистов, – последовал мрачный ответ.

Льеке почувствовала, как Хельмут сжался у нее за спиной, но заставила себя улыбнуться.

– Я принесла кое-что для Кристоса.

Она протянула сверток, перевязанный веревочкой, но тут из дальней комнаты выскочила Наоми.

Естественно, *она* здесь, подумала Льеке, и ее сердце упало. Ее младшая двоюродная сестра была забавной, но в то же время упрямой, своенравной и до невозможности красивой.

– Это мясо? – восторженно воскликнула Наоми.

– Баранья нога, – подтвердила Льеке.

– Ничего себе! Отличная работа, сестричка. Заходи.

Льеке сглотнула. Петрос Арити показался в коридоре, и теперь они все смотрели на нее. Больше всего на свете Льеке хотелось к ним присоединиться, но...

– Я не одна, – сказала она.

– А кто с тобой?

– Хельмут. – Льеке опять сглотнула; Хельмут выступил вперед и кивнул.

– Хельмут?! – охнула Наоми, и ее лицо скривилось от отворачивания при виде юноши в униформе вермахта. – Немец?

– Все не так, как ты думаешь, – торопливо перебила ее Льеке. – Хельмут – наш друг.

Она покосилась на молодого человека, искренне прижавшего руку к груди. Возможно, отцу Льеке порекомендовали – ладно, приказали – принять его в дом, но он знал Хельмута много лет до войны, и тот был добрым, вежливым и веселым. К тому же он часто приносил им угощения вроде баранины, которую она отдала Арити, о чем сейчас уже почти жалела.

– Хельмут – враг, Льеке, – отрезала Наоми.

Петрос толкнул ее плечом, и она зажала рот рукой.

– Скажем так: Хельмут – представитель оккупантов, поэтому... поэтому...

– Я понимаю, – сказал Хельмут на ломаном греческом. – Я уже ухожу.

– Но ты же принес мясо! – запротестовала Льеке.

– И надеюсь, оно вам понравится. Хорошего дня.

Он щелкнул каблуками начищенных сапог и двинулся прочь.

Льеке проводила его глазами, не зная, как поступить. Наоми решила за нее – втащила сестру в дом и захлопнула дверь.

– Ты хоть понимаешь, что делаешь? – рывкнула она.

Льеке оцетинилась. Ее кухня была невыносимой, но с этими огромными зелеными глазами и личиком в форме сердечка всегда выходила сухой из воды – что бы ни натворила. Их отцы были родными братьями, старшими в многочисленной семье, и оба в молодости ездили по Европе. Отец Льеке, Николаус, женился на Сигрид, элегантной студентке из Австрии, а отец Наоми, Исаак, на Агате – дерзкой польке. Оба привезли своих жен в Салоники, но если отец Льеке продолжил заниматься международной торговлей и построил для своей семьи большую виллу на берегу моря, отец Наоми предпочел завести небольшой ресторанчик в оживленном еврейском квартале. Семьи были близки, но их образ жизни кардинально различался.

– Я принесла для Кристоса баранину, – в свою защиту сказала Льеке. – Чтобы он поправлялся. Но если вы против...

– Конечно нет, – перебила Наоми и неловко добавила: – Спасибо тебе.

– На здоровье.

– Но...

– ...но о чем ты думала, когда вела к нам нациста? – за-

кончил Петрос за нее – настоящий андарте, каким стремился стать.

Льеке закусил нижнюю губу, твердо решив, что не даст себя запугать. Она знала, что права.

– Хельмут – не нацист. Он обычный германский солдат, делающий свою работу.

– Свою работу по захвату нашего города? Наших домов, и машин, и нашей еды? Не говоря уже о нашей свободе?

– Работу по поддержанию порядка, – парировала Льеке.

Своими зелеными глазами Наоми с осуждением оглядела сестру с головы до пят.

– Ты что, *коллаборационистка*, Льеке?

Та охнула, потрясенная.

– Нет!

Почему надо все видеть только черно-белым? Ее с детства приучали восхищаться Германией. То была страна Бетховена и Гете, родина знаменитых изобретателей и композиторов. Много лет они с Тоби, младшим братом, каждое лето ездили к родителям матери в чудесный курортный городок Карлсбад, и Льеке не могла поверить, что люди, прогуливавшиеся там в очаровательных платьях и шляпках, не самый цивилизованный народ на свете.

– Хельмут папин друг, – запротестовала она. – Он хороший. И он хочет помочь. Что в этом плохого?

– Повзрослей уже, Льеке! – воскликнул Петрос, такой же неумолимый, как Наоми. – Он враг.

– Тише, – шикнула на них его мать. – Не надо спорить. Этот юноша принес баранину для супа. Так что спасибо ему.

– Но мама...

– Спасибо ему, Петрос.

– Ладно, мам.

Петрос с недовольным видом склонил голову, но Льеке была признательна миссис Арити.

– Возможно, ты захочешь поздороваться с Крестосом? – предложила та. – Раз уж была так любезна и принесла ему вкусной еды.

Вежливость заставила Льеке согласиться, хотя она и чувствовала себя крайне неловко. Ее мама любила Крестоса, который приходил к ней на уроки немецкого, и старалась ему помочь после того ужасного ранения – потому и прислала баранину. Но он был парнем Наоми, и Льеке страшно смущалась, входя в его комнату в сопровождении кузины.

Она ахнула от изумления, увидев младенца у Крестоса на руках.

– Что это такое? – запинаясь, пробормотала она.

– Ребенок, – сухо ответила Наоми.

Льеке зыркнула на нее.

– Я понимаю! Но что он тут делает?

– Наоми стащила его вместе с овощами, – объяснил Крестос.

– Она очень храбрая, – добавил Петрос, заходя в спальню следом за ними.

Льеке постаралась не застонать.

– И что вы собираетесь с ним делать? – напряженно спросила она.

– Отнести в приют, – ответил Петрос.

– Я хотела его оставить, – обратилась к ней Наоми. – Бедняжке нужна мать.

– И отец, – вставил Кристос.

– Но Петрос говорит, мы не сможем прокормить еще один рот, – вздохнула Наоми.

– Не сможем, – подтвердил Петрос сурово. – Тебе пришлось украсть, чтобы прокормить *нас*, Наоми. Ты отнесешь его в приют.

– Я знаю, – согласилась Наоми, повесив голову. – Я просто не уверена, что смогу.

Льеке предоставлялся шанс ретироваться с достоинством.

– Я могу его забрать, – предложила она.

– Ты?!

Неприязнь в голосе Петроса ее задела.

– Почему нет? Я часто хожу туда помогать монахиням, поэтому хорошо с ними знакома.

– Ты помогаешь в *христианском* приюте?

– Я помогаю в *приюте*, да. Разве вероисповедание имеет значение?

Мать Льеке внушала ей, что помогать надо там, где требуется помощь, а не там, где это принесет тебе дивиденды.

– Будет здорово, если ты сможешь его отнести, – обрати-

лась к ней миссис Арити.

– Ладно. Хорошо. Ну, тогда... отдайте мне его.

Наоми явно ревновала, когда передавала ребенка Льеке, но у нее с ее красавчиком-парнем и так очень скоро появятся дети, поэтому Льеке была рада забрать этого. Его маленькое тельце было таким теплым, и он посмотрел на нее своими большими глазами, когда она потуже завернула мальчика в одеяльце. Преувеличенно вежливо попрощавшись, она с радостью сбежала из дома Арити.

Домой Льеке добралась, когда уже темнело. Монахини охотно приняли маленького сироту, и она знала, что он будет в безопасности, но кое-что, сказанное одной из них, до сих пор тревожило ее.

– Он не обрезан? Это хорошо.

– Что тут хорошего? – обиженно спросила Льеке.

– Просто это защитит его от ненависти гитлеровцев. В Польше они сгоняют евреев в гетто, заставляют их носить желтые звезды и лишают всей собственности. Как в Средневековье!

Тяжело было не думать об этом, проходя мимо Белой Башни – старинной крепости, охранявшей город с XIV века, но не сумевшей сберечь от нацистских танков и самолетов. Оглядевшись по сторонам, Льеке слегка утешилась видом своего дома на берегу.

Она любила Салоники. Любила виллу, которую построил

ее отец, с террасой над морем, откуда они с Тоби летом ныряли прямо в воду. Любила лодки, постоянно курсировавшие туда-сюда, и пожилых дам, которые купались, надев на шею специальные подушечки, чтобы не испортить прическу. Любила вечеринки, которые ее родители устраивали, и нарядных гостей, за счет которых держались их бизнес и светская жизнь. Ей не нравилось, что нацисты захватили страну, но за свою историю Салоники попадали в оккупацию неоднократно и всякий раз выживали, значит, выживут и теперь.

Конечно, нацисты отвратительны, но не все немцы нацисты. Так ведь?

Хельмут вот нет. Правда же?

Мысли были неприятными, и она обрадовалась, увидев Тоби, сидевшего на ступеньках крыльца и поджидавшего ее. Поскольку родители уделяли бизнесу много времени, забота о младшем брате частенько ложилась на Льеке, и она не возражала. Тоби уже исполнилось тринадцать, но вел он себя как маленький ребенок и был трогательно привязан к ней.

– Тоби! – окликнула она брата, помахав рукой.

Он бегом бросился ей навстречу.

– Льеке! – выкрикнул он. – Льеке вернулась!

– Не обязательно извещать об этом весь мир. – Она рассмееалась, обнимая его, но почувствовала, как его худое тельце напряглось в ее руках, и отстранилась. – В чем дело?

– Ни в чем, Льеке. – Он опять подчеркнул ее имя и покоился в сторону дома, где в окне появилось лицо их мамы.

Что тут творится?

Сигрид спустилась по ступенькам.

– Заходи, дорогая! – позвала она чересчур жизнерадостным тоном.

– Все хорошо, мам? – спросила Льеке.

– Да-да, все отлично. Я просто рада видеть тебя.

Тоби построил сестре гримасу, и она рассмеялась. Но когда мать строго велела ему «сидеть тут» и повела Льеке в гостиную, ее радость как ветром сдуло. Папа и дедушка Тобиас сидели, склонившись над радио, и ей стало ясно, что Тоби оставили караулить на крыльце, чтобы он предупредил, кто идет – Льеке или Хельмут.

– Очень вовремя, детка, – сказал отец, приветствуя ее. – Нам сообщили, что будет важная передача.

Льеке неохотно пододвинула себе табурет и присела у ног деда. Тобиас, ее дедушка по материнской линии, переехал к ним жить два года назад, после того как Гитлер захватил Австрию и начались притеснения евреев. Дед регулярно слушал иностранные передачи, молясь, чтобы новости были хорошими – но те были плохие. Льеке обычно избегала их, но на следующей неделе ей исполнялось шестнадцать и, возможно, наступало время и правда повзрослеть, как резко выразился Петрос. Она сосредоточилась на голосе диктора, прилагая усилия, чтобы понимать английский – свой третий язык. Но пока речь шла об Африке и сложно было разобраться, кто там берет верх.

Льеке не понимала, что тут особенно важного, но затем диктор прочистил горло и отчетливо произнес: «Сегодня до Великобритании добрался еврей, сбежавший из концентрационного лагеря в Люблине. Он сообщил, что еврейский народ, мужчин и женщин всех возрастов, систематически истребляют. Он говорил о массовых расстрелах, фургонах с ядовитым газом и...»

– Нет! – вскричал Тобиас, вскочив на ноги, и выключил радио. Его лицо побагровело от ярости; он отчаянно размахивал своей тростью. – Нет, этого не может быть! Это обман! Жестокая и хитрая британская пропаганда, чтобы заставить их войска лучше сражаться. Немецкий народ не станет убивать евреев. Переселять – может быть...

– Что уже очень плохо, фатти, – вставила Сигрид, пытаясь схватить его за руку.

– Что уже очень плохо, но такое не раз случалось за нашу историю. Однако все остальное – нелепые рассказы. Казни? Поезда смерти? Отравляющий газ? Чепуха! Я не верю ни единому слову. Проклятые британцы передают по радио откровенную ложь!

Льеке, ошеломленная, смотрела, как ее мать пытается успокоить деда; отец тем временем побежал прятать радиоприемник под кучей угля во дворе – он как будто хоронил и «важную передачу», и ужасные новости. Была ли в них правда? И может ли быть по-другому? Она всегда считала, что знаменитая Би-би-си во все вносит ясность, но сейчас она,

наоборот, сделала ситуацию подозрительной. Похоже, даже правда стала жертвой войны, как и свобода.

После ужина, пока взрослые занимались своими делами, Льеке присела на краешек террасы рядом с Тоби, свесив ноги над водой Эгейского моря. Ветер гнал по ней мелкие волны, но уже почти наступил апрель и было совсем тепло. К тому же Льеке разгорячилась от досаждающих мыслей и радовалась прохладе.

– Что говорили по радио, сестричка? – спросил Тоби, доверчиво заглядывая ей в глаза.

Она поежилась.

– Да как обычно. Про пушки и бомбы.

– Ненавижу пушки и бомбы.

– Я тоже. – Льеке поглядела на бухту, освещенную луной и такую мирную – если не замечать Белой Башни, на которой стоял вражеский караул.

– Ненавижу нацистов, – сказал Тоби.

– Тс-с, Тоби! – Она зажала ему рот ладонью. – Нельзя говорить это вслух.

– Из-за Хельмута?

– Нет. Из-за... оккупации. Никогда не знаешь, кто подслушивает.

– Все равно я ненавижу их всех.

– Я тоже.

Тоби шлепнул по воде ногой, и всплеск немного успокоил

Льеке. Но потом брат сказал:

– Хельмут нехороший человек, Льеке? – и она опять разволновалась.

– Я не думаю, что он нехороший, Тоби, – осторожно ответила она. – Но его сограждане сейчас делают нехорошие вещи.

– Ты о немцах?

– Да.

– А разве дедушка не немец?

– Он австриец.

– Но разве Австрия сейчас не то же самое, что Германия? Разве она не Третий рейх?

Льеке едва удержалась, чтобы не зажать руками уши и не закричать, чтобы не слышать брата. Он не был ни в чем виноват. Тоби задавал совершенно здравые вопросы, но она не хотела думать об ответах.

К ее огромному облегчению, мама позвала:

– Тоби! Пора ложиться.

Брат надулся.

– Можно еще десять минут? – умоляюще попросил он.

– Нет, – последовал решительный ответ.

Тоби покосился на Льеке в поисках поддержки, но ей очень хотелось остаться одной, и она лишь пожала плечами и поцеловала его. Он поплелся в дом, и ночь мягко сомкнулась над ней, хотя мысли так и кружили у Льеке в голове. Она терпеть не могла ссор. Когда ругались ее школьные по-

дружки, она ощущала что-то вроде лихорадки. Льеке знала, что может доверять своей семье, но в последнее время это как будто означало, что никому другому доверять нельзя!

Ее печальные раздумья прервало негромкое покашливание. Подняв глаза, Льеке увидела, что Хельмут стоит рядом, держа фуражку в руке. Его-то ей и было надо.

– Добрый вечер, Льеке.

– Добрый вечер, Хельмут, – сказала она напряженно.

– Все хорошо?

Она вздохнула.

– Нет, Хельмут. Все плохо.

– Мне жаль это слышать. Я принес тебе кое-что. – Из-за спины он достал букет полевых цветов.

Льеке покраснела от удовольствия, но сразу же вспомнила, что больше не должна ничего от него принимать.

– Извини, Хельмут, я их не возьму.

– Потому что я враг? – грустно спросил он.

Он не выглядел как враг. И не вел себя как враг. Но он носил вражескую форму, а в военное время этого было достаточно.

– Да.

– Понятно. Все верно. Ты права.

Но так ли это было? Льеке ничего такого не чувствовала. Она обидела гостя их дома, а ее воспитывали совсем по-другому. Правда, Хельмут Байер приехал без приглашения – их вынудили принять его по требованию властей. Нормальные

правила больше не действовали.

— На данный момент, — неловко добавила она.

— Разумеется, — согласился Хельмут. — Я прошу прощения, Лье... мисс Деметриу. Больше я вас не побеспокою.

С этими словами юноша развернулся, легким движением бросил букет в воду и, вежливо поклонившись, поспешил к себе в комнату.

Льеке не осмеливалась пошевелиться; не осмеливалась даже дышать. Просто сидела неподвижно и с болью в сердце смотрела, как закатные краски пляшут на волнах, пока, наконец, последние отблески солнца не поглотило море.

Глава 3. 1 июля 1942 года. Наоми

Наоми торопливо собирала тарелки со столов клиентов-нацистов, с трудом удерживаясь от того, чтобы не вывернуть остатки им на колени. Стараясь как можно выше держать голову, она усиленно избегала смотреть на кусочки стифадо. Она ни за что не станет доедать за нацистами, напомнила Наоми себе. Не нужно ей их стифадо, пусть оно и выглядит таким сочным, и ароматным, и... восхитительным.

– Ублюдки, – пробормотала она, но слюна все равно предательски набежала во рту.

Единственное, что было в этом хорошего, – им прислали нового шефа, и хотя тот был настоящим тираном, он все-таки позволял им забирать себе оставшиеся продукты. Наоми частенько баловала Кристоса питательными бульонами, и теперь, с приходом весеннего тепла, он заметно окреп.

– Кристос! – Она подскочила при виде любимого, как раз заходившего на кухню. Казалось, он материализовался прямо из ее мыслей. – Что ты тут делаешь?

– Ничего себе прием! – пошутил юноша, но голос у него был напряженный, а пальцы, сжимавшие газету, побелели.

Петрос показался за ним с глазами мрачными, как грозовая туча, и Наоми спешно повела обоих наверх, где находилась квартира семьи.

Внизу в ресторане продолжалось обслуживание. Она слы-

шала, как все громче играет скрипка матери – это означало, что нацисты требуют развлечений, пьяные от вина, которое им доставляли из Германии, Франции и Италии, потому что греческий виноград был для них недостаточно хорош – вот же гады! Эмоции Агаты выдавал ее драгоценный инструмент – сейчас она явно была в гневе. Это очень соответствовало настроению двух молодых людей перед Наоми.

– Что случилось? – требовательно спросила она.

– Нам приказано собираться, – ответил Петрос сердито, отобрав у Кристоса газету и взмахнув ею в воздухе.

Это была «Неа Европи», ненавистная нацистская газетенка, насильственно сменившая все греческие с наступлением оккупации. Информацию в ней строго цензурировали, и доверять ей было нельзя.

– Нам? – нахмурилась Наоми.

– Мужчинам-евреям до сорока пяти лет.

– Только евреям?

– Только евреям. И даже в шаббат, мерзкие ублюдки.

– Зачем?

– Для «добровольных» работ.

Наоми застонала. Нацисты уже много месяцев созывали «добровольцев», но греки были мастерами увиливать от работы, которая им не нравилась, и легко просачивались сквозь нацистские сети. Теперь, похоже, они решили привлечь евреев к самым тяжелым повинностям – а заодно разобщить население.

Веками греки-христиане и греческие евреи мирно соседствовали в Салониках. Синагоги строились наравне с церквями, и никого это не волновало. Да и что волноваться, если солнце светит, рыбы в сетях предостаточно, а на закате узо¹ так и льется в рюмки? Но вот пришли нацисты, умевшие разобщать людей и внушать им ненависть друг к другу. Наоми обуял страх.

– Ты не можешь работать, Кристос! – воскликнула она, обхватив себя руками.

– Мне уже гораздо лучше.

– Но ты ведь не поправился до конца. Тебе нужно еще несколько месяцев.

– Они это увидят и освободят меня от работ. Нет смысла оставлять в бригаде того, кто не может трудиться, правда же? Немцам важна производительность, это всем известно.

Наоми не была в этом уверена.

– Не ходи, – взмолилась она. – Спрячься.

– Спрятаться? – возмутился он. – Я не трус, Наоми.

– Я это знаю. Но дело не в храбрости, а в предусмотрительности. Нацисты не играют по обычным правилам.

Она подумала про Льеке. Вчера вечером тетя Сигрид пригласила их поужинать и понырять в море с их чудесной террасы, и это было восхитительно. Почти как в прежние времена, если не считать их гостя, Хельмута, проскользнувшего через гостиную к себе в комнату.

¹ Узо – греческая анисовая водка.

– У меня нет с ним ничего общего, – сказала ей Льеке.

– Вот и хорошо, – ответила Наоми, обрадованная тем, что у ее кузины все-таки есть здравый смысл.

Потом Льеке добавила:

– Я слышала по Би-би-си, что нацисты убивают евреев.

– Да, – печально подтвердила Наоми. – Они морят голодом наших братьев в Польше, бьют их и расстреливают.

– Нет, – настойчиво продолжила Льеке, – не только это. Они истребляют их, весь народ. Сажают в фургоны и травят газом.

– Льеке! Не может быть!

– Дедушка Тобиас тоже так сказал. Мол, это все британская пропаганда, чтобы солдаты лучше сражались.

– Но разве солдаты и так не сражаются изо всех сил?

– Да!

– Тогда...

– Тогда что, если это правда?

Они сидели на краю террасы, свесив ноги над водой, и брызги попадали на их загорелую кожу. Сестры переглянулись.

– Невозможно, – выговорила Наоми наконец.

– Невозможно, – согласилась Льеке.

Тут прибежал Тоби и обрызгал их; обе кинулись за ним, торопясь утопить свои страхи в прозрачных водах Эгейского моря.

Но страхи не тонут так легко.

– Не ходи, – повторила Наоми Кростосу, прижав его к себе изо всех сил, не желая отпускать. Но он лишь упрямо задрал голову, и она поняла, что Кростос не послушается.

Сбор начался на следующий день с рева моторов и лая собак. Громкие крики *raus* и *schnelle* заглушили в еврейском квартале субботние молитвы, и Наоми выглянула в окно как раз в тот момент, когда Петроса и Кростоса гнали вниз по улице вместе с другими сонными, растерянными мужчинами.

– Мы тоже должны пойти, – сказала она матери, вставшей с ней рядом у окна.

Агата мрачно кивнула в знак согласия и поглядела на мужа.

– Исаак, ты оставайся дома с Зои и Элиной. – Она указала на двух младших сестер Наоми; те, разбуженные шумом, спускались из своей комнаты на верхнем этаже.

– Думаю, мне следует... – начал Исаак.

Но Агата взмахом руки остановила его.

– Тебе всего сорок шесть, мой дорогой. Они могут решить, что ты тоже им нужен, а я на это не согласна. Ты останешься дома, с девочками.

Исаак ворчливо согласился – как делал всегда. Отец Наоми олицетворял в семье легкость и веселье, в то время как Агата – решительность и власть. Иногда Наоми недоумевала, как они уживаются вместе, но это прекрасно им удавалось.

Агата подошла к мужу, взяла руками за щеки и крепко поцеловала. Наоми смотрела на родителей, молясь в душе, чтобы и они с Кристосом были такими же спустя двадцать лет брака. Но тут Агата, обернувшись к ней, поинтересовалась, почему она стоит с разинутым ртом, а не собирается, и Наоми побежала одеваться. Перед выходом Исаак сунул каждой из них в руку по куску хлеба. Зои и Элина помахали им напоследок, и они присоединились к толпе, текшей на восток.

Нацисты словно в насмешку приказали всем еврейским мужчинам собраться на Платия Элефтериас – площади Свободы, – названной в честь освобождения Греции от Османской империи. Обычно площадь занимали торговцы, проповедники и обычные греки, приходившие выпить кофе и поболтать, но сегодня солдаты вермахта разогнали их всех и оцепили ее. Тысячи недоумевающих евреев строили колоннами по сто, как в армии – только очень худой, плохо одетой и всячески выражающей свое недовольство.

Агата протолкнулась вперед сквозь толпу.

– Кристос стоит сзади, – сказала она, указывая на них с Петросом Наоми. – Это хорошо. Всегда надо держаться подальше, в тени.

И действительно, те, кто оказался в первых рядах, очень скоро начали страдать от палящего солнца, поднявшегося из-за зданий, что окружали площадь. Воды немцы не выдавали; мало того, они приказали мужчинам снять шляпы яко-

бы «в знак уважения». Даже кипы ортодоксальным иудеям велели стаскивать с голов, и у Наоми защемило сердце. С холодными жестокими лицами нацистские офицеры начали заставлять мужчин делать физкультурные упражнения, будто ребятишек в младшей школе.

– Нам нужны крепкие, здоровые люди, – выкрикнул ближайший к ним охранник. – Не слабаки и доходяги.

– Тогда надо было нас кормить, – пробормотала Наоми себе под нос.

Мать зажала ей рот ладонью.

– Не забывай – нам тоже лучше держаться в тени.

– Но почему? – запротестовала Наоми сквозь пальцы Агаты. – Почему мы миримся с этим? Если все скажут «нет», что они смогут поделать?

Агата с каменным лицом указала на группу мужчин в центре площади. Нацисты выстроили их и потребовали, чтобы те играли в чехарду.

– В чехарду? – донесся до нее возглас одного из евреев. На нем был элегантный деловой костюм, и держался он с большим достоинством. – Зачем нужна чехарда?

Но нацисты явно не понимали греческого: один из них просто махнул ружьем, указывая мужчине перепрыгивать через четверых своих товарищей, согнувшихся пополам.

– Вставайте! – призывал их мужчина. – Не слушайте! Им не нужны слабаки, так ведите себя как сильные люди.

Первый из четверых нерешительно выпрямился и погля-

дел на остальных. Толпа затаила дыхание. И вдруг прогремела пулеметная очередь, скосив и первого, кто разогнулся, и всех остальных, будто жестяных уток в ярмарочном тире.

– А ну, – крикнул нацист, – прыгай!

С широко распахнутыми от страха глазами человек в костюме стал неловко прыгать через трупы своих товарищей, но в конце нацист встретил его не милосердной пулей, а такими яростными ударами прикладом, что кровь брызнула на тех, кто стоял поблизости, когда мужчина рухнул на землю.

Площадь замолчала.

А потом с балкона донеслось радостное улюлюканье, и все, подняв глаза, увидели группу девиц-блондинок, чокавшихся бокалами – они словно праздновали казнь, воспринимая человеческие страдания как цирковое представление, устроенное им на потеху. Солнце заливало Платия Элефтериас, но Наоми оледенела. Нацистский командующий прошагал поперек площади, что-то выкрикивая на своем грубом языке. Он указал на нескольких человек, сбившихся в кружок, но те понятия не имели, что им велят делать, и их тоже сразу же расстреляли.

– Что он говорит? – шепотом спросила Наоми у матери.

Агата покачала головой.

– Говорит «теперь вы, собаки, будете плясать под мою дудку», – прошептал голос ей на ухо, и Наоми, обернувшись, увидела свою двоюродную сестру со щеками, порозовевшими от ужаса перед смыслом собственных слов.

– Льеке! – Наоми схватила ее за руку. – Какой кошмар! Они просто их застрелили. Ты видела? Просто застрелили за то, что они не захотели прыгать.

Льеке кивнула.

– Они правда нас ненавидят. И посмотри – вон там Хельмут. Ты была права насчет него, Наоми. Ублюдок!

Она указала на «хорошего» парня, который принес им баранину: сейчас он стоял с другими солдатами, недалеко от Кристоса и Петроса. Его взгляд был опущен, а плечи напряжены, но он был там. Был частью этой продуманной массовой пытки.

Время шло, и нацисты придумывали для евреев все более унижительные и бессмысленные упражнения. На дальнем краю площади стояли столы, к которым формально требовалось подходить и записываться на работы, но все уже поняли, что сегодняшняя задача – не регистрация, а унижение. Наоми поежилась, глянув на группу людей, которым велели смотреть на палящее солнце и не моргать. Первого, кто моргал, били кнутом, после чего все начиналось заново.

Мужчин заставляли возить друг друга через площадь на спине, изображая скачки, пока нацисты, хохоча, делали ставки. Проигравших расстреливали, а победителей опять гнали на старт, пока не перебили всех до единого. Белые плиты Платия Элефтериас стали красными от крови; трупы стаскивали в угол, чтобы их забирали родственники. На одну из женщин, припавшую к мертвому мужу, натравили пса, и

бедняжка приняла вслед за ним жестокую и мучительную смерть.

– Нам лучше уйти, – раз за разом повторяла Агата, но ее ноги будто вросли в землю.

По мере того как строй редел, нацисты подходили все ближе к Петросу и Кростосу. Наоми прижималась к Льеке и Агате, не сводя глаз с любимого. Его пока не заставляли выполнять никаких ужасных «упражнений», но от дневной жары и обезвоживания он едва держался на ногах. Наоми видела, как Петрос заботливо поддерживает брата.

– Мы должны что-то сделать, – простонала она.

Но что они могли? У нацистов было оружие, а значит, власть.

– Что, если все мы одновременно на них набросимся? – предложила она, но для этого требовалась всеобщая решимость, которую трудно было пробудить в толпе перепуганных женщин и распадающемся строю мужчин.

Наконец, холодным щелчком пальцев, нацистский охранник позвал Кростоса.

– *Tanzen!* – приказал он. «Танцуй!»

Кростос с трудом мог стоять. Глаза у него были мутные, а когда он шагнул вперед, у него подогнулись колени. Агата крепко обхватила Наоми руками, встав у нее за спиной. Однако Петрос быстро сориентировался и обнял брата за плечи, а другие повторили его движение – и вот уже они танцевали сиртаки, и их танец набирал силу и мощь. Они как

будто праздновали бар-мицву или свадьбу, выступая перед теми, кого любят.

Мужчины вокруг начали ритмично хлопать в ладоши, и глаза Наоми стали мокрыми от слез. Это могла быть их свадьба, и Кристос, жених, танцевал бы перед ней.

– Кристос! – позвала она.

Каким-то образом он ее услышал, и их взгляды встретились. Теперь он танцевал для нее одной. Но его ноги запи-
нались, и Петросу все трудней было держать брата. Немцы, ухмыляясь, наблюдали за ними.

Внезапно комендант выкрикнул:

– *Genug!* – «Достаточно».

Охранники бросились вперед с ружьями наперевес, чтобы остановить танец и развести мужчин в разные стороны. Кристос споткнулся, и Наоми увидела, как прищурился на него комендант.

– *Du! Hier!*

– Нет! – охнула она.

Агата крепче прижала ее к себе.

– Не смотри! – воскликнула она.

Но как Наоми могла отвернуться? Как могла покинуть Крестоса?

– Ему надо было спрятаться, – простонала она, но здесь прятаться было негде.

– Присесть, – приказал нацист. – Встать. Прыжок.

Петрос за спиной Крестоса преувеличенно размахивал

руками, выполняя все команды, словно пытался передать энергию своему брату. Кростос пока справлялся, но Наоми видела, как его худая грудь ходит ходуном, и почти чувствовала, как его легкое, пробитое итальянской пулей, чуть не рвется по швам.

– Пусть они прекратят! – всхлипнула она.

Но нацисты не прекращали.

Краем глаза Наоми увидела, как Хельмут шагнул вперед, нарушив строй.

– *Nicht den*, – сказал он. «Не этот».

Но никто его не слушал. Кростос продолжал делать приседания и прыжки; его хриплое дыхание разрывало Наоми сердце. Наконец его ноги подкосились, и он упал на землю.

– *Aufstehen!* – взревел комендант. «Подъем!»

Но Кростос не мог подняться. Петрос в отчаянии потянул его за руку.

– Спасайся сам, брат, – выдохнул Кростос. – И позаботься о Наоми за меня.

– Кростос! – в слезах закричала Наоми. – Кростос, я тебя люблю!

Он повернул голову, и она увидела, как Кростос улыбнулся, прежде чем, с отвращением фыркнув, комендант ослабил поводок своего пса. Будто в жуткой замедленной съемке Наоми смотрела, как играют у него мышцы, как овчарка не сводит глаз со своей добычи, а с острых клыков капает слюна.

Кростос поднял вверх руки, и Наоми снова выкрикнула

его имя, но тут Льеке схватила ее в объятия и отвернула от площади. У Наоми перед глазами плыли черные пятна боли и красные – крови, в ушах отдавался яростный собачий лай.

Его оборвал одиночный выстрел. Наоми открыла глаза и увидела Хельмута с пистолетом в руках, мертвого Крестоса у его ног и собаку, ощерившую пасть.

– Он его застрелил! – ахнула она.

– Он его спас, – тихонько поправила Льеке.

Наоми понимала, что это правда. Крестос умер быстро и без мучений. Овчарка не разорвала его зубами. Но все равно он был мертв. Руки, которые так недавно обнимали ее, разметались по плитам Платия Элефтериас; губы, которые ее целовали, были покрыты кровью, а глаза, которые ловили ее взгляд и обещали прекрасное будущее, закрылись навек.

– Ублюдки! – взвыла она.

Но Агата опять зажала ей рот и быстро потащила прочь. В оккупированных Салониках даже скорбь была непозволительной роскошью.

Глава 4. 13 июля 1942 года. Льеке

Наоми так тряслась, что Льеке испугалась, как бы ее сестра не свалилась в наскоро вырытую могилу вслед за Кристофом, и протянула руку, чтобы ее удержать. Наоми с изумлением глянула на нее, а потом, благодарная, прислонилась к Льеке. Ее личико в форме сердечка было бледным, а глаза – красными от слез. Льеке невыносимо было видеть свою задорную кузину настолько убитой.

Она не одна была такой, потому что, пока их небольшая процессия проходила по еврейскому кладбищу в центре города, им попало немало других женщин в черном, оплакивавших родных и любимых. После той ужасной субботы, которую в городе окрестили «Черной», на кладбище прибыло новых могил, и каменотесы трудились от зари до темна, выбивая имена погибших на памятниках.

– Мне очень жаль, – сказал Петрос. – Я должен был его защитить.

– Никто не смог бы защитить его от этих чудовищ, – решительно возразила Льеке.

– Даже Хельмут, – добавила Наоми, пожимая сестре руку. Они слышали, что молодого солдата бросили в тюрьму. Льеке казнила себя за то, что отказывалась говорить с ним, и даже Петрос переживал, что сомневался в его дружбе, хотя у него были собственные трудности. Его зачислили в тру-

довой батальон – именно туда якобы записывали мужчин на площади, – и на похороны брата он явился в сопровождении охраны, которая сейчас дожидалась, чтобы отвести Петроса на работы.

– Нам всем надо бежать в горы, – прошипел он, когда они вышли за ворота кладбища. – А не надеяться на милость этих зверей.

– Надо, – согласилась Агата. – Мы не можем жить как рабы.

– Но и как дикари мы жить тоже не можем, – заметила Сигрид, прижимая руку к уху.

Льеке озабоченно глянула на мать. Ее ухо воспалялось уже не в первый раз, и сейчас она мучилась от боли.

– Пока все хорошо, – подтвердил ее отец, обнимая жену, – но когда придет зима, сложно будет сказать, кто более жестокий хозяин: природа или нацисты.

Все покачали головами.

Одна тетя Агата возразила:

– Нацисты.

В этот момент, словно в доказательство ее правоты, большая черная машина свернула к кладбищу, и из нее вылезли двое гестаповцев в кожаных плащах.

– Господин Николаус Деметриу?

Теперь уже Льеке пошатнулась, и Наоми придержала ее. Но кухне было не под силу помешать осуществиться злему року.

Отец Льеке сделал шаг вперед.

– *Das bin ich*, – сказал он на прекрасном немецком. «Это я».

Эсэсовцы удивились, но продолжали:

– Господин Николаус Деметриу, вы и ваша семья должны поехать с нами. У нас ордер на ваш арест.

– Арест? – Слово ударило Льеке, как кулак в живот.

Сигрид притянула к себе ее и Тони, так что Льеке оторвалась от Наоми и встала вместе с семьей перед гестаповцами.

– Только не дети! – взмолилась Сигрид.

Ее австрийский акцент заставил их еще раз сделать паузу – хотя снова ненадолго.

– Дети? – усмехнулся один, с головы до ног окинув Льеке взглядом. – Сколько им?

– Двенадцать и четырнадцать, – без промедления ответил Николаус.

Льеке открыла было рот, чтобы его поправить, но перехватила взгляд отца и осеклась. Всю жизнь ей внушали, что лгать нельзя, но под вражеской оккупацией обычные правила были неприменимы.

– Ладно, дети остаются. Но вот этот, – он схватил Тобиаса за руку, – поедет.

– Он же просто старик! – запротестовала Сигрид.

– Они тоже бывают опасными! – рявкнул гестаповец и затолкал Тобиаса в машину, смахнув красивую тирольскую шляпу с его седой головы.

Сигрид оттолкнула детей в сторону и, подобрав с земли шляпу, ласково надела ее обратно на отца. Льеке с гордостью смотрела на нее, но тут к ней обратился папа.

– Не пугайтесь, мои дорогие, – прошептал он, – это наверняка какая-то ошибка. Мы со всем разберемся и очень скоро вернемся домой. А пока, Льеке, ты за старшую.

Он что-то сунул ей в руку.

Она ощутила холод металла и, поглядев вниз, увидела ключ от дома.

– Папа... – начала было она, но его уже усадили в машину вместе с мамой и бабушкой, а потом дверцы с грохотом захлопнулись, и автомобиль сорвался с места, как будто для рейха важнее всего в данный момент было запереть семью Деметриу в тюремной камере.

Льеке, ошеломленная, застыла на месте.

– Все будет хорошо, – сказала она Тоби. Но, господи помози, она понятия не имела, что с ними станет на самом деле.

Она ощутила на плече теплую ладонь – рядом стояла тетя Агата и смотрела на племянницу необычно ласковыми глазами.

– Лучше вам пойти с нами, детка. Мы за вами присмотрим.

Льеке сжала в ладони ключ от дома. Вспомнила слова отца: *Ты за старшую.*

– Вы очень добры, – ответила она. – Но, думаю, нам лучше

быть дома на случай, если появится какая-то информация.

Агата кивнула, и Льеке поняла, что поступает правильно. В конце концов, ей шестнадцать лет, что бы там ни подумали нацисты. Агата пообещала регулярно заглядывать к ним и помогать, Наоми добавила что-то милое, но слишком уж больно было смотреть на них, стоящих вместе, там, где только что стояли ее родители, поэтому Льеке поблагодарила родных, взяла Тоби за руку и решительно зашагала в сторону дома.

Вставляя в дверь отцовский ключ, она уже не чувствовала себя такой храброй. Хорошо, когда тебе доверяют, но Льеке вовсе не хотелось за все отвечать. Ей хотелось оказаться в безопасности: чтобы о ней заботились, подтыкали одеяло, а родители рядом тихонько переговаривались. Вместо этого она топталась в прихожей пустого дома, а Тоби смотрел на нее, не зная, что делать дальше.

– Нам надо поесть, – сказала она.

Льеке не чувствовала голода, но ужины были священным семейным ритуалом, поэтому она провела Тоби на кухню и заглянула в шкафчик, пожалев, что мать всегда делала больший упор на уроки, нежели на приучение ее к домашним обязанностям. Сигрид училась в Австрии в университете, когда Николаус женился на ней и увез в Салоники, и хотя ей нравилось в новой стране, она не придерживалась традиционного убеждения, что женщинам следует сидеть дома. Она настаивала, чтобы Льеке училась, а не осваивала на кухне

рецепты долмадес и папуцакьи, чтобы кормить мужчин. И вот теперь Льеке в растерянности глядела на банки с крупами на полках. Она знала, что фасоль вроде бы нужно замачивать, а что потом?

– Меня мутит, – пожаловался Тоби. И правда, его лицо стало зеленым.

– Давай выйдем на воздух.

Льеке вывела его на террасу; обоих инстинктивно тянуло к бирюзовой воде. Однако сегодня безмятежность моря показалась им противоестественной, а люди, купавшиеся у берега, жестокими и бессердечными. Льеке хотелось закричать: «Вы разве не знаете, что произошло?» – мужчинам, рыбачившим со своих лодок, детям, нырявшим за раковинами, и женщинам, плававшим на мелководе с подушечками на шеях. Но, конечно, она этого не сделала. Трагедия была только их, Тоби и ее.

– Как мы будем жить? – спросил ее брат жалобно.

Льеке понятия не имела. Действительно, *как?* Их родителей увезли в тюрьму без смены одежды, без еды, даже без лекарств для маминого воспаленного уха, и она была бессильна им помочь. Хотя... Глядя на море, она вспомнила лицо ге-стаповца в тот момент, когда мама заговорила с ним на своем безупречном немецком. Вспомнила уважение, которое вызвал у нацистов австрийский акцент Сигрид, и некоторое послабление, к которому он привел. Поскольку мама говорила на языке оккупантов, ее усадили в машину как достойную

гражданку, а не затолкали как рабыню. И она, Льеке, тоже так сможет.

– Я пойду и поговорю с ними, – заявила она Тоби.

– В гестапо?!

– Да. Я спрошу, где мама, папа и дедушка и можем ли мы как-то им помочь.

– Но Льеке, вдруг они и тебя заберут?

Она сглотнула.

– Не заберут.

Тоби посмотрел на нее, и Льеке увидела в его детских глазах скепсис. Он тянулся вверх и уже почти догнал ее по росту, но все равно оставался ее маленьким братишкой.

– Я обещаю.

Он покачал головой.

– Ты не можешь обещать, – сказал он слабым голосом.

Ее сердце упало. Тоби был прав. Если завтра она пойдет в логово врага, то может как улучшить ситуацию, так и сделать ее гораздо, гораздо хуже.

На следующий день Льеке стояла перед штаб-квартирой гестапо на модной улице Ольга Василис, дрожа всем телом. Штаб-квартира находилась в ста метрах от их дома, в красивом особняке из красного и белого мрамора с остроконечной крышей и элегантными балюстрадами. Казалось, он предназначался лишь для того, чтобы очаровательные дамы распивали в нем коктейли в своих лучших нарядах, но сейчас

все ставни там были закрыты, снаружи стояла вооруженная охрана, и роскошное здание так и излучало угрозу.

Ходили слухи, что кабинеты нацистов находятся наверху, а в подвале – тюрьма, чтобы никто не слышал криков оттуда. Не то чтобы нацистов беспокоило, не прознает ли кто про их жестокие методы, нет – скорее всего, узников запирали в подвале, просто чтобы они чувствовали себя еще более беспомощными. При мысли о том, что ее любимые родители сейчас во власти этих людей с ледяными глазами, в груди Льеке вспыхнула ярость, породив нечто вроде отчаянного мужества, и она решительно устремилась вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.